

1.

... К 1985 году, я был уже — мама не горюй! Мне сам черт был — не брат. Я был сержантом-снайпером, и одновременно, командиром мобильной группы (от 8-ми до 12-ти человек); я числился в четвертой роте, второго парашютно-десантного полка (4 СІЕ, 2е РЕР, потом в СРАР)... Меня просто так было — не окрутить!

И, вот...

Вот, присылают к нам в лагерь нового капеллана. Старый, куда делся — не знаю, да и не запомнил я его совсем: толстоватая крыса какая-то...

Итальяшка, все говорят, в звании капитана. Но. Говорят, как-то — уважительно. Это должно было меня заинтересовать: я много читал о разных религиях (особенно — об исламе, поскольку, уже тогда считал его религией от Дьявола); но, почему-то не заинтересовало. Надо сказать, что был я (по советскому обычаю), некрещеным и махровым атеистом.

И тут, иду я себе из отхожего места, и встречаю на тропинке Иисуса Христа! В мундире без знаков различия (запрещено носить было; только на планке пуговиц — маленькая такая липучка: снять — полсекунды), и стрижен прилично короче, чем канонический образ, но не налысо, далеко. Борода — присутствовала.

Он мне говорит: «Вечер добрый, брат мой!», и пошел, напрямик туда, откуда я только что вышел.

Я прибежал к себе в палатку, и с оловянными газами спрашиваю: «Кто?!». Мои ребята смеются: «И тебя зацепил новый капеллан?!».

Как-то само собой получилось, что стали мы с ним — беседовать. Не помню, даже, как — познакомились. Обо всем — беседовать. О мире, о звездах, о войне... О религиях разных, о церкви и о Боге (надеюсь, Вы не считаете, что Бог и церковь — одно и то же?). Его очень заинтересовала моя трактовка ислама (ислам — основная религия в Чаде, по-моему); он даже писал куда-то в свою канцелярию о такой нетрадиционной точке зрения — у меня есть вполне убедительные доводы для этого.

Но... Бог и Церковь — не одно и то же... Все.

... Он был святым человеком! Ну, что о нем сказать? Я об этом вообще не скажу ни слова, потому что его абсолютно ни с кем не сравнить, и мы еще не придумали ни одного слова, которое можно о нем сказать, если говорить не впустую. Восторженно. С улыбкой о невозможном. С сожалением о невозможном и утраченном. С грустью. С лицом человека, которого никогда не было, нет, и — не будет. Какой? Обыкновенный. И поздно говорить, сгорая. Но можно писать, каждый раз ставя в конце — прощай.

... Это было не только моим мнением (и не надо подозревать меня в скрытом гомосексуализме — артель «Напрасный труд»): мое мнение, пусть — не в счет. В моей палатке жили двадцать человек, повидавших уже ВСЕГО, и кто-то, при разговоре о нем сказал: «Святой!». Все замолчали, задумались, и подтвердили: «Да — святой». Сами — СОВСЕМ не святые люди...

Он все делал, не так, как другие. Вот, все, вроде тоже самое, а — не так. Этого — не объяснить. Вот, он меня и крестил. Повесил на шею простой крест на цепочке (хороший крест оказался — тридцать лет ему сносу нет), побрызгал местной отвратной водичкой, молитву прочитал: он

их сам, на ходу, к каждому случаю придумывал... С тех пор я — Христианин, католик, к тому же. В церковь не хожу никогда, икон у меня нет ни одной...

... Погиб он глупо.

Недалеко от лагеря было местное село. Вполне себе — мирное. Мы, иногда покупали у них фрукты и козье молоко. Деньги в Африке — самый большой дефицит.

И вот, однажды возвращаюсь я из рейда: весь потный, пыльный, грязный. В порохе и чужой крови. К вечеру — возвращаюсь. А мне, с порога, говорят: «Капеллана убили!». Оказывается он, прошлым вечером, пошел в одиночку (что строжайше запрещено, кстати было! Вне лагеря — не менее трех человек), в это сельцо. Нести Слово Божье.

А то они его, этого слова, больше ни от каких миссионеров — не слышали! Да, миллион их там было ДО него. С библиями и крестиками. Только, вот, Слово Божье делает чудеса, особенно, когда оно подкреплено парочкой штурмовиков с винтовками, желательно.

... Они сразу прочухали, что он не просто — миссионер. Что он — Носитель Идеи. Идеи Белого Человека. Потому и — убили. Убили, отрезали голову, и ночью повесили ее на длинный шест перед лагерем. Хотели показать нам кузькину мать.

Когда я вернулся, голова так и весела на шесте. Никто не решился снять, знали, что мы — друзья.

... Что я потом сделал, и чем все это закончилось, я не буду здесь рассказывать: поберегу Ваши и свои нервы...

Но, отнюдь не по заповедям Христа я поступил тогда. За это мне больно и ОЧЕНЬ стыдно, до сих пор... Ночами снится...

... Получается, я его, вроде бы — предал. Он бы ТАК — не сделал, я уверен...

... Такие дела...

2.

Мы, с моей женой Кристиной и с дочерью (к тому времени была и — дочь), любили отдыхать в Южной Африке. Нам было удобно: не летать туда-сюда. Они прилетали в Джибути, я — туда же, и часто, транспортным самолетом, в ЮАР, или Родезию, совершенно бесплатно.

В ЮАР и отдыхали, на берегу океана, в основном. ЧУДная была страна: сказка, просто. Я частенько подумывал, что когда получу французскую военную пенсию (наивный!), уехать туда жить. Путь в Советы, мне, понятно, был — заказан.

Потом пришел полезный идиот (выражение не мое — Лукича) де-Клерк, выпустил каннибала и убийцу Манделу, и страна — умерла.

В ЮАР я познакомился с одной женщиной, монашкой, и СИЛЬНО меня старше. Чуть ли не — вдвое. Француженкой. Она принадлежала к какому-то одену, не помню — к какому. Неважно это.

Она содержала школу и пансион (совершенно бесплатный), для местных аборигенов. На какие-то пожертвования содержала, чуть ли ни к Папе Римскому обращалась. Я тоже давал иногда мелкие какие-то деньги...

Она искала по всей Африке детей (специальная служба у нее для этого была!), которые любознательные, там, и САМИ хотят учиться, или дома у них совсем — швах (что — не редкость в тех местах, понятно), и которые без нее просто бы — погибли.

Когда, сидя вечером, после всех ее бесконечных трудов и забот, на крыльце одного из строений этого «пансиона», я спрашивал у нее: «Слушай! Но ведь все твои выпускники, за редким исключением, становятся бандитами, убийцами и одиозными упырями! Зачем ты все

это для них делаешь?» Она отвечала: «То, о чем ты говоришь, это — выбор ВЗРОСЛЫХ людей, его каждый делает для себя — сам. А у меня они — ДЕТИ. Они еще не могут сделать выбора. Я ДОЛЖНА дать им этот выбор!»

Я давно заметил, что в Африке, чем более образованный и более (вроде бы) цивилизованный «афроафриканец», тем он БОЛЬШАЯ мразь, садист и убийца, часто даже монстр какой-то. Примеров тому у меня — тьма.

... Интересно, как она пришла к вере. Вере в Бога. Я неоднократно у нее спрашивал, но она все уходила как-нибудь от ответа, или отделялась общими фразами. Меня это — не устраивало. Я хотел — знать! Потому что было в ней то же самое, что было в моем зарезанном в Чаде капеллане. Что-то такое — неуловимое. Все так, а — НЕ ТАК!

Наконец, она «раскололась»... Может — поверила мне, не знаю.

Она рассказала (очень просто рассказала, я ТАК — не смогу!), что в 14 (четырнадцать!) лет, как-то утром, когда она собиралась в школу, ей явился Иисус, был в таком простом невыбеленном и неглаженном хитоне, простоволосый и босой, но осенен каким-то неземным светом, который она не бралась даже описать. Это при том, что семья ее никогда не была религиозной: в Бога они не верили, поклонов не били, в церковь — не ходили. Он ей сказал лишь, что любит ее и... и ВСЕ!

Это изменило ВСЮ ее жизнь. Вот, она с тех пор (а было ей тогда уже — за пятьдесят далеко) и жила под впечатлением от этой встречи. Она (встреча) не забылась, не засохла, не выцвела, а как бы растворилась в ней, стала неразрывной ее частью.

Она ушла в монастырь, под причитания мамыши и проклятия насквозь атеистичного папеньки (он был хирургом), потом — миссионерство, и вот — пансион для будущих Нельсонов с Манделами.

... Такие дела...

... Потом рухнул апартеид, отовсюду повылезла невозможная какая-то сволочь (ее воспитанники присутствовали непременно!), стали ко всем белым наезжать и отжимать все более-мене ценное, сопротивляющихся просто — грохали, не раздумывая. Она загоразивала грудь от бандюков на траках с пулеметам (весьма популярная среди африканцев мобильная огневая точка) своих испуганных детей. Долго. Не один год. Пока... Пока, какой-то из этих приматов не выстрелил ей в голову из пистолета: надоела ему старуха. СВЯТАЯ старуха.

... Лет семь назад, в московском метро, я случайно (тесен мир!) встретил одного своего бывшего сослуживца. Прибалта. Латвийца, или латыша — не помню, да и не знал никогда, наверное. Я всегда к себе в группу старался славян набрать, или бывших советских: с ними мне было комфортнее. Чей-то он по своим делам в Москву приехал. Я его, грешным делом, в покойниках давно числил, поскольку нарвались мы как-то на обкуренных иракцев в городишке Ахуй (не смейтесь, ТАК называется!), и получил этот бедолага три пули из калаша, в живот, прямо под бронезилет... Кровотечение было очень нехорошее: я думал — печень в клочья. Когда мы его грузили в вертолет, он признаков жизни уже — не подавал. Мне думалось, что он одна из тех 129 потерь, которые Франция на Синае оставила. Однако — выжил! Повезло человеку.

Рассказал я ему, что Клэр (так эту подвижницу звали) убили. Он ее тоже — знал. Он загорелся, сказал, что со многими из наших связь поддерживает: «Давай соберемся, съездим, и устроим им такое барбекю, которое они долго не забудут!»

... Но... Но я был уже другим человеком... Не мог мстить.

Однако, на могилу и на развалины ее школы мы — съездили. Собралось шесть человек.

Немного, конечно...

... Такие дела